АМЕРИКА о ВОЙНѢ.

Отвѣтъ на воззваніе германскихъ профессоровъ

(Переводъ съ англійскаго).

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Д. Дрейдена, Надеждинская д. 9—16.
1915 г.

Чёрч, Самюэль Гарден.

Америка о войнѣ.

Отвѣтъ на воззваніе германскихъ профессоровъ

(переводъ воззванія см. въ приложеніи).

(Переводъ съ англійскаго).

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Д. Дрейдена, Надеждинская д. 9—16.
1915 г.

Отвѣтъ Германскимъ профессорамъ.

Samuel Harden Church
Президентъ Института Карнеги.
Питтсбургъ Америка.

Изъ числа наиболѣе извѣстныхъ представителей науки, искусства, педагогики и литературы Германіи девяносто три лица подписали и широко распространили по всей Америкѣ письмо, озаглавленное „Воззваніе къ цивилизованному міру“, въ которомъ они стремятся поколебать общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ относительно обстоятельствъ, вызвавшихъ настоящую войну и способовъ веденія ея.

Въ этомъ письмѣ они утверждаютъ, что не Германія отвѣтственна за начало войны, что Германія не нарушала нейтралитета Бельгіи, что Германія не разрушала Лувена, что германскіе солдаты не насиловали бельгійцевъ и не производили никакихъ звѣрствъ, что милитаризмъ есть единственная защита Германской цивилизаціи.

Г. Чёрчъ, Президентъ Института Карнеги въ Питтсбургѣ, авторъ извѣстный какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ, даетъ отвѣтъ на германское воззваніе, который состоитъ въ слѣдующемъ:

4-го Ноября 1914 года.

Профессору-Доктору Фрицу Шеперу.

Берлинъ Германія.

Мой дорогой Докторъ Шеперъ,

Я получилъ напечатанное письмо съ Вашимъ привѣтствіемъ и автографомъ, озаглавленное: „Воззваніе къ культурному міру“ и подписанное девяносто тремя наиболѣе выдающимися представителями науки, искусства и литературы Германіи. Смѣю увѣрить Васъ, что сообщеніе столь авторитетное не можетъ не вызвать съ моей стороны самаго глубокаго вниманія. Для меня эти девяносто три имени представляютъ величайшую мощь и величайшее значеніе. Я имѣю честь лично знать нѣкоторыхъ изъ подписавшихся вмѣстѣ съ Вами: профессора Адольфа фонъ Гарнака и нѣкоторыхъ другихъ, въ то же время многіе изъ подписавшихъ это воззваніе извѣстны трудами столь широкаго значенія, что они уже не могутъ считать себя исключительно германцами, —они принадлежатъ всему міру, потому что весь міръ отмѣтилъ и оцѣнилъ ихъ за выдающуюся службу всему человѣчеству. Драма Гауптмана и музыка Гумпердинка я увѣренъ извѣстны также хорошо въ Америкѣ, какъ и въ Германіи. Многіе изъ насъ поклоняются Эрлиху и Эйкену съ такимъ же чувствомъ, какъ Апостолъ Павелъ преклонился передъ Гамаліиломъ. Въ нашихъ вели-

кихъ институтахъ науки, искусства, какъ напримѣръ въ Институтѣ Карнеги, въ нашихъ университетахъ мы всегда считаемъ Боде высшимъ авторитетомъ въ области его спеціальности. Максъ Рейнгардъ стоитъ во главѣ реформы театральнаго искусства, которое проникло и на американскую сцену. Зигфридъ Вагнеръ есть имя наслѣдственно цѣнное намъ. Ренгденъ, Вассерманъ, Берингъ и другіе подписавшіе воззваніе,—всѣ тратили свои силы для увеличенія знанія и для облегченія человѣческихъ страданій. Вы сами, по выбору Вашего Императора были нашимъ гостемъ въ Питтсбургѣ при освященіи новаго зданія Института Карнеги, среди извѣстнѣйшихъ людей, собравшихся сюда со всего свѣта.—Германская Секція, о которой я вспоминаю съ чувствомъ глубокой дружбы, состояла изъ генерала фонъ Ловенфельда, Діекута, доктора фонъ Ина, доктора фонъ Моллера, доктора Козера и Васъ; всѣ вы по нашему настоятельному приглашенію привезли съ собой нашихъ самыхъ дорогихъ гостей, вашихъ женъ и дочерей.

Едва ли нужно мнѣ еще доказывать Вамъ какъ глубоко чувство признательности, симпатіи и благодарности питаемое мной и всѣми моими соотечественниками къ нѣмецкому народу? Едва ли нужно говорить какъ сердца наши обливаются кровью въ годину этихъ тяжелыхъ испытаній и какъ горячо мы молимся о томъ, чтобы миръ, наконецъ, спустился и на истерзанную грудь Вашего отечества.

Составъ нашего народонаселенія долженъ дѣлать насъ особенно чувствительными ко всѣмъ справедливымъ требованіямъ Германіи, ибо мы

насчитываемъ среди насъ восемь милліоновъ согражданъ нѣмецкаго происхожденія и такимъ образомъ мы связаны съ Германіей неразрывно узами крови. Но, конечно, мы связаны также и съ другими народами и расами, за исключеніемъ, увы, азіатскихъ народовъ, но я надѣюсь, когда нибудь наступитъ Богомъ благословенный день, когда мы выростемъ духовно на столько, что сможемъ принять на свое лоно и дѣтей Азіи съ равнымъ радушіемъ.

Мы космополитическая нація, мы растворили въ себѣ 8.000.000 нѣмцевъ, 13.000.000 англичанъ, 300.000 французовъ, 3.000.000 русскихъ, 2.000.000 австрійцевъ, 25.000 представителей балканскихъ народовъ, 100.000 бельгійцевъ, т. е. мы имѣемъ изъ ста милліоновъ нашего народонаселенія 32.000.000 иностранцевъ и вотъ почему мы представляемъ своей страной всю семью народовъ.

Нѣтъ причины, почему бы у насъ могло не хватить симпатіи къ Германіи въ эту ужасную войну? Мы не можемъ встать несправедливо на сторону кого либо изъ воюющихъ по увлеченію или въ силу предразсудка, ибо всѣ сражающіеся —наши братья по крови въ великой семьѣ народовъ. Нашъ президентъ Вильсонъ, любимый и уважаемый одинаково всѣми, предуказалъ намъ поддерживать нейтралитетъ и мы прилагаемъ всѣ усилія, чтобы сдержать наши обязательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы всей душой стремимся узнать кто правъ, чтобы осудить виноватаго, ибо нейтралитетъ отнюдь не означаетъ еще безразличія. Вы, конечно, помните, что Данте въ своей поэмѣ „Адъ“ предназначилъ самыя страшныя муки для тѣхъ робкихъ душъ, которыя остались без-

различными и нейтральными въ вѣчной борьбѣ зла съ добромъ. Эта война, тоже есть война между добрыми и злыми силами и я надѣюсь, что американскій народъ, откинувъ предразсудки обратится къ свидѣтельству первоисточниковъ, чтобы наше общественное мнѣніе сложилось, опираясь на неопровержимые факты и, конечно, среди всѣхъ матеріаловъ Ваше „воззваніе къ культурному міру“ является однимъ изъ существенныхъ документовъ.

Въ Вашемъ воззваніи Вы протестуете противъ лжи и клеветы которыми враги стремятся запятнать чистое дѣло Германіи въ навязанной ей тяжелой борьбѣ за существованіе.

Во мнѣ вызываетъ чувство сожалѣнія та настойчивость, съ которой Германія стремится оправдать себя передъ Америкой. Желаніе доказать свою правоту конечно дѣлаетъ ей честь, но Германія не должна бы опасаться того, что общественное мнѣніе Америки будетъ извращено ложью и клеветой ея враговъ. Чтобы найти истину, мы стараемся проникнуть глубже.

Въ Вашемъ письмѣ Вы говорите о борьбѣ „которая была навязана“ Германіи. Въ этомъ сущность вопроса, все остальное только детали. Если борьба навязана Германіи, тогда дѣйствительно ея положеніе полно достоинства и чести, и весь свѣтъ будетъ одобрять и помогать ей, къ вящему стыду и наказанію ея враговъ напавшихъ на нее. Но если эта ужасная война не была навязана ей, логически слѣдуетъ, что ея положеніе лишено и достоинства и чести, и что ея врагамъ слѣдуетъ тогда помогать и сочувствовать всей силой человѣческой души.

Я думаю? дорогой докторъ Шаперъ, что приговоръ общественнаго мнѣнія Америки по этому основному вопросу уже состоялся.—Этотъ приговоръ основывается не на лжи и не на клеветѣ враговъ Германіи и отнюдь не на легкомысленныхъ газетныхъ сообщеніяхъ, но этотъ приговоръ основывается на серьезномъ изученіи опубликованныхъ оффиціальныхъ документовъ. Переписка, касающаяся войны, была опубликована нѣкоторыми правительствами. Она была перепечатана полностью въ нашихъ руководящихъ газетахъ, и съ достаточной полностью въ нашихъ журналахъ; кромѣ того нѣкоторые издатели, какъ редакція газеты „New York Times“ и общества какъ Ассоціація Международнаго Сближенія (Association for International Conciliation) выпустили эти документы въ видѣ памфлетовъ, которые разошлись въ Америкѣ въ громадномъ числѣ экземпляровъ и требованія на нихъ не прекращаются, хотя милліоны американцевъ прочли ихъ.

Вотъ эти оффиціальные документы: 1) Австро-Венгерская нота Сербіи. 1) Отвѣтъ Сербіи. 3) Англійская Бѣлая книга. 4) Нѣмецкая Бѣлая книга. 5) Русская Оранжевая книга. 6) Бельгійская Сѣрая книга. Эти книги содержатъ всѣ письма и депеши, которыя каждое правительство пожелало опубликовать, какъ оправданіе своего участія въ войнѣ.

Всякій, кто изучалъ эти документы, не можетъ не сожалѣть о двухъ слѣдующихъ пропускахъ: 1) что Германія не осмѣлилась опубликовать свою переписку съ Австріей и 2) что Австрія не осмѣлилась опубликовать свою переписку съ Германіей.

Если бы свѣтъ располагалъ этими изъятыми матеріалами, то рѣшить вопросъ о томъ, гдѣ истина было бы гораздо легче. Но, во всякомъ случаѣ, все что опубликовано по этому вопросу сейчасъ, когда пишу это письмо, находится у меня передъ глазами.

Я былъ бы вполнѣ удовлетворенъ, если бы зналъ, что эти документы распространены и въ Германіи, но, кажется мнѣ, что я долженъ ограничиться только пожеланіемъ, чтобы и германцы имѣли возможность, какъ и мои сограждане, прочесть ихъ во всей полнотѣ.

Была ли эта война навязана Германіи? Что объ этомъ говорятъ оффиціальные документы?

Мы всѣ прекрасно знаемъ, что Австрія въ 1908 году захватила 2 провинціи: Боснію и Герцоговину. Подобныя вещи всегда возмущаютъ человѣческій разумъ, и разумъ нѣкоторыхъ людей не можетъ работать нормально, подъ вліяніемъ такой провокаціи.

Въ Маѣ 1914 года Австрійскій наслѣдный принцъ отправился въ эти провинціи. Народъ смотрѣлъ на него, какъ на завоевателя, узурпатора, побѣдителя, тирана, и онъ былъ убитъ. Это былъ отвратительный актъ, приведшій всѣхъ въ ужасъ, и осужденный всюду мыслящими людьми. Я осуждаю это убійство, ненавижу его, оно приводитъ меня въ ужасъ. Но какъ бы ни было, —это было наказаніе, которое понесъ бы каждый, рѣшившійся явится въ области, захваченныя подобнымъ образомъ. Всегда найдется горячая голова, готовая къ убійству тирана, а тиранъ тотъ, кто дѣлаетъ себя завоевателемъ только ради своего честолюбія. Въ глазахъ этого порабощеннаго народа наслѣдникъ былъ тираномъ.

Австрія тотчасъ же взвалила на всю Сербію отвѣтственность за это убійство, и послала ультиматумъ, содержавшій десять жестокихъ требованій, оскорблявшихъ достоинство Сербіи. Такихъ требованій до сихъ поръ ни одинъ народъ не позволялъ себѣ предъявлять другому.—

Однако Сербія уступила во всемъ, исключая части пунктовъ 5-го и 6-го.

Въ пунктѣ 5-мъ имперіалистическая схема панъ-германизма выражена совершенно ясно.— Правда эта схема искуссно замаскированна, но все-же необходимость полнаго подчиненія предстала передъ Сербіей, какъ неизбѣжное условіе для плана предстоящаго расширенія Австро-Венгріи. Отъ Сербіи требовалось „допустить сотрудничество въ Сербіи Австро-Венгерскихъ органовъ въ дѣлѣ подавленія революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной цѣлости Монархіи (Австріи)“. Эта краткая формула полна скрытаго значенія. Фразеологія такъ эластична, что принятіе ея Сербіей дало-бы возможность Австріи придать ей такое значеніе, которое бы практически позволяло Австріи вмѣшиваться во всѣ дѣла, для подавленія яко-бы „революціоннаго движенія“. Раньше Австрія похитила у Сербіи двѣ лучшія провиніци, и теперь предполагала лишить ее еще большаго.

Въ Германской Бѣлой книгѣ мы читаемъ ничѣмъ не скрытое признаніе, что главной причиной войны Австріи съ Сербіей было желаніе Австріи установить контроль надъ политикой Сербіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эта политика могла имѣть нежелательныя для Австріи послѣдствія въ областяхъ ей уже принадлежа-

щихъ, или въ тѣхъ которыя она стремилась захватить.

Трудно представить себѣ что либо, что болѣе фатально привело бы къ уничтоженію самостоятельности Сербіи, чѣмъ согласіе ея подчиниться этимъ грубымъ требованіямъ.

Однако Сербія отвѣтила съ терпѣніемъ и достоинствомъ, соглашаясь на то, „что она допуститъ сотрудничество, соотвѣтствующее нормамъ международнаго права и уголовнаго судопроизводства, равно какъ и добрососѣдскимъ отношеніямъ между обоими государствами“.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ необходимо твердо запомнить указанную выше цѣль, для достиженія которой Австрія и Германія предъявили Сербіи ихъ требованія,—надо совершенно отбросить мысль о томъ, что объявленіе Австріей войны Сербіи имѣло цѣлью произвести только карательную экспедицію для наказанія за убійство кронпринца.

Когда были предъявлены эти требованія, Россія, какъ одна изъ великихъ державъ Европы, почувствовала, что она должна встать на защиту основныхъ принциповъ своей исторіи и возвысить голосъ требуя, чтобы суверенныя права королевства Сербіи не были нарушены.—

Германія отлично знала, что настойчивость въ этихъ требованіяхъ поведетъ неизбѣжно къ войнѣ. Однако она во всеуслышаніе настаивала на своихъ требованіяхъ и вызвала Россію на вмѣшательство.

Далѣе въ пунктѣ 6 содержится небывалое требованіе, чтобы Австрійскимъ судьямъ было позволено засѣдать въ Сербскомъ судѣ, при разбо-

рѣ дѣла объ убійствѣ. И даже этому Сербія покорилась въ дѣйствительности, хотя совершенно резонно обращала вниманіе на то, что такое вмѣшательство Австріи противно законамъ Сербіи.

Если отвѣты Сербіи на какую либо часть ультиматума показались бы неудовлетворительными Австріи, то Сербія чистосердечно предлагала, или продолжить переговоры, или, въ случаѣ несогласія на то Австріи, представить рѣшеніе вопроса на обсужденіе Гаагскаго Суда, или на обсужденіе великихъ державъ Европы. Этими заявленіями Сербія обнаружила неуклонное стремленіе къ мирному разрѣшенію конфликта, тѣми именно способами, которые цивилизованный міръ старался много лѣтъ привить для международныхъ сношеній. Сербія только что закончила двѣ войны и ея силы были истощены. Но Австрія сознавая все время, что при добромъ желаніи даже очень краткіе переговоры могли бы привести къ полному соглашенію, намѣренно отказалась отъ всѣхъ предложеній Сербіи; она рѣшила воевать во всякомъ случаѣ и въ этомъ намѣреніи Императоръ Вильгельмъ и военная партія поддержали ее, что ясно засвидѣтельствовано въ ихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ. Германская Бѣлая книга очень откровенна по этому поводу. Тамъ сказано: „Мы отъ всей души могли выразить нашему союзнику свое согласіе съ его оцѣнкой положенія вещей и увѣрить его, что съ нашей стороны онъ встрѣтитъ одобреніе всякаго дѣйствія, которое онъ найдетъ необходимымъ, чтобы положить конецъ движенію въ Сербіи, направленному противъ неприкосновенности Монархіи“.

Вы видите, дорогой докторъ Шеперъ, что

Императоръ Вильгельмъ и его совѣтники никогда не думали передать вопросъ Гаагскому Суду или на обсужденіе Европейскимъ державамъ,*). Мы стараемся, какъ Вы должны помнить, выяснить кто началъ войну. Германское объясненіе гласитъ: „Мы вполнѣ сознавали, что въ случаѣ какихъ-либо военныхъ дѣйствій Австро-Венгріи противъ Сербіи на сцену можетъ выступить Россія и мы, такимъ образомъ, согласно долгу союзника можемъ быть втянуты въ войну“. Я надѣюсь вы прочтете послѣднюю цитату съ особеннымъ вниманіемъ. Не доказываетъ ли эта Германская декларація то, что всѣ эти тысячи рядовъ германскихъ работниковъ, убитые при нападеніи на чуждыя имъ страны, умирали не потому, что Отечество ихъ было въ опасности, но только потому, что честолюбивые планы династическихъ домовъ Габсбурговъ и Гогенцолерновъ требовали этой чудовищной жертвы?.

Въ Англійской Бѣлой книгѣ, мы имѣемъ всѣ телеграммы, которыми обмѣнялись Англійское Министерство Иностранныхъ дѣлъ за подписью Сэра Э. Грея съ дипломатами другихъ державъ, включая и имперскаго канцлера Германіи. Телеграфная переписка Германскаго Министерства Иностранныхъ дѣлъ, чрезвычайно любопытная, не включена Германіей въ опубликованную ею дипломатическую переписку.

24-го Іюля Сэръ Э. Грей, черезъ британскаго посла въ Берлинѣ предложилъ конференцію

*) Въ то время, когда писалось письмо, фактъ сокрытія депеши Государя Императора—Императору Вильгельму, съ предложеніемъ обратиться къ Гаагскому Суду, еще не былъ опубликованъ.

Примѣчаніе переводчика.

между Германіей, Италіей, Франціей и Англіей въ предвидѣніи, что отношенія между Австріей и Россіей становятся угрожающими и онъ повторилъ это предложеніе на слѣдующій день Германскому послу въ Лондонѣ. Императоръ Вильгельмъ внезапно вернулся въ Берлинъ 26-го Іюля—(онъ не былъ въ отсутствіи „когда разразилась война“, какъ утверждали его защитники въ Америкѣ много разъ) и тогда Сэръ Э. Грей повторилъ свое настойчивое приглашеніе къ конференціи. Такъ на слѣдующій день Англійскій посолъ въ Берлинѣ телеграфировалъ Грею: „Государственный Статсъ-Секретарь говоритъ, что конференція, которую Вы предлагаете, практически означаетъ третейскій судъ, и, по его мнѣнію, не можетъ быть созвана иначе, какъ по просьбѣ Австріи. Поэтому онъ не можетъ согласиться съ Вашимъ предложеніемъ, какъ-бы ни представлялась желательной совмѣстная работа для поддержанія мира. Я выразилъ увѣренность, что Ваша мысль не имѣетъ ничего общаго съ третейскимъ судомъ, но означаетъ что представители 4 не заинтересованныхъ непосредственно державъ должны обсудить, и предложить мѣры для предотвращенія опаснаго положенія. Однако онъ настаивалъ, что такая конференція, какую Вы предлагаете не осуществима“,

Стремилась ли Германія предотвратить войну? Сдѣлала-ли она малѣйшее усиліе, чтобы избѣжать ея? Видимъ ли мы, что на нее напали? Притѣсняли ли ее „завистливые сосѣди“? Напротивъ, Германія настойчиво утверждаетъ, что Австрія права, объявивъ войну Сербіи и если Россія вмѣшается, она будетъ воевать съ Россіей. Тогда кто

же началъ войну? И еще разъ, за что умираютъ нѣмецкіе мужья, отцы, сыновья? Все это время Англія, Франція, Россія и Италія всѣми мѣрами стремились удержать Австрію отъ начала конфликта, который, какъ всѣ они знали, какъ знала это и Германія, нарушитъ миръ всей Европы. Они все настаивали на конференціи, но Австрія была упряма, такъ какъ ее поддерживала непреклонная воля Германіи, и 27-го Іюля Австрія начала войну съ Сербіей.

Возвращаясь къ Германской Бѣлой книгѣ мы читаемъ, что послѣ того, какъ Австрія напала на Сербію, Россія начала мобилизацію своей арміи, чтобы показать, что она и начинаетъ свои дѣйствія противъ Австріи, если это будетъ необходимо. Затѣмъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ самыхъ удивительныхъ сообщеній, которое когда либо было написано. Это телеграмма Германскаго Императора къ Царю, которая гласитъ: „Беззастѣнчивая агитація практиковавшаяся цѣлые годы въ Сербіи привела къ возмутительному преступленію, жертвой котораго сталъ Эрцъ-Герцогъ Францъ Фердинандъ . . . .
. . . . . . безъ сомнѣнія Вы согласитесь со мной въ томъ, что какъ мы, Вы и Я, такъ и всѣ остальные Государи заинтересованы сообща въ настояніи на томъ, чтобы всѣ тѣ, кто морально отвѣтственъ за чудовищное убійство, понесли заслуженную ими кару“.

Изъ дальнѣйшихъ событій мы начинаемъ видѣть теперь, почему умираютъ Германскіе солдаты и почему плачутъ германскія женщины. Принцъ, хотя бы онъ былъ и узурпаторомъ и завоевателемъ, былъ убитъ. Поэтому пусть весь

адъ обрушится на Европу.—И тѣ изъ насъ, которые были поражены и оскорблены, когда бросали бомбы въ императоровъ, теперь еще болѣе поражены узнавъ, что императоръ, какъ и самые презрѣнные анархисты, приказываетъ бросать бомбы въ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей въ Антверпенѣ и Парижѣ.—

Царь отвѣтилъ: „Постыдная война объявлена слабой странѣ; возмущеніе по этому поводу, которое я раздѣляю вполнѣ, въ Россіи огромно. Я предвижу, что очень скоро Мнѣ невозможно будетъ больше противиться оказываемому на Меня давленію и Я буду вынужденъ принять мѣры которыя поведутъ къ войнѣ".

Императоръ отвѣтилъ слѣдующее: Я не могу смотрѣть на дѣйствія Австро-Венгріи, какъ на „постыдную войну", Австрія знаетъ по опыту, что обѣщанія Сербія, если онѣ только написаны на бумагѣ, совершенно ненадежны".

Я не могу не спросить васъ, дорогой докторъ Шеперъ, не знаетъ ли свѣтъ теперь и другія обѣщанія написанныя только на бумагѣ, которыя оказались совершенно ненадежными? Не имѣетъ ли такая бумага подписи Вашего Императора? Не доказалъ ли Вашъ Императоръ, что его торжественная и священная гарантія нейтралитета Бельгіи есть ничто иное, какъ клочекъ бумаги.

Далѣе Англія спрашивала можетъ ли Германія въ случаѣ войны гарантировать, что она не отниметъ территоріальныхъ владѣній Франціи, и Германія отвѣтила, что она не можетъ дать такихъ гарантій. И въ отвѣтъ на послѣднія усилія со стороны Англіи оградить Францію отъ раз-

грома и ограбленія, Императоръ Вильгельмъ послалъ Королю Англіи слѣдующую изумительную телеграмму: „Я не могу приказать пріостановить мою мобилизацію, потому что къ сожалѣнію Ваша телеграмма пришла слишкомъ поздно. Но если Франція предложитъ мнѣ нейтралитетъ, гарантированный Британскимъ Флотомъ и Арміей, я воздержусь отъ нападенія на Францію и употреблю мои войска гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Я надѣюсь, что Франція не станетъ нервничать. Войска на моей границѣ я могу остановить отъ вторженія во Францію телеграфомъ и телефономъ.*)

„Моя мобилизація“—„моя война“ мобилизуется и воюетъ Императоръ.—Придетъ время, дорогой докторъ Шеперъ, и будемъ надѣяться, что оно придетъ скоро, когда короли не будутъ „мобилизоваться“ и воевать съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ дѣти играютъ въ солдатики.

„При извѣстныхъ условіяхъ“ говоритъ Императоръ „я откажусь отъ нападенія на Францію“, —и замѣтьте что слѣдуетъ „и употреблю мои войска, гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ“. Императоръ рѣшилъ воевать во что бы то ни стало—или съ Франціей, или „съ кѣмъ нибудь“. Далѣе,—„я надѣюсь Франція не будетъ нервничать“. Но, что можетъ Францію сдѣлать нервной? „Войска на моей границѣ могутъ быть остановлены каждую минуту телеграфомъ и телефономъ отъ втор-

---

*) Императоръ Вильгельмъ объявилъ войну Россіи, причемъ единственнымъ поводомъ была возможность столкновенія Россіи съ союзникомъ Германіи—возможность возникновенія casus foederis Но по отношенію къ Франціи тотъ же Императоръ считаетъ иначе—Франція по его мнѣнію можетъ не только остаться нейтральною послѣ того, какъ для нея casus foederis наступитъ послѣ объявленія Германіей войны Россіи, но ей рекомендуется даже успокоить свои нервы. Можно ли при здоровой мысли допускать подобныя несообразности.

женія во Францію". Здѣсь все изумительно:— телеграмма изъ Англіи пришла слишкомъ поздно, Императоръ Германіи мобилизовался, его армія перешла французскую границу, но Франція не должна быть нервной. Бѣдная Франція, даже потрясаемая вторженіемъ милліона войскъ она не должна быть нервной.

Тогда наступилъ финалъ. 31-го Іюля былъ посланъ ультиматумъ Россіи отъ Имперскаго Германскаго Канцлера съ требованіемъ остановить мобилизацію, давая двѣнадцать часовъ времени для отвѣта. Но Россія продолжала свои приготовленія и 1-го Августа война разразилась. Кто ее началъ? Англія? Едва-ли такъ, потому что Англія была за конференцію и въ той мѣрѣ насколько касалось это ея арміи, не была готова къ войнѣ и не будетъ готова еще въ продолженіи шести мѣсяцевъ. Франція? Россія? Ни одинъ изъ 93 выдающихся людей, приславшихъ мнѣ воззваніе не скажетъ этого, если они ознакомятся съ фактами.

Формально виновницей войны была Австрія, которая своимъ безсмыслымъ и возмутительнымъ нападеніемъ на Сербію начала войну, но Австрію поддерживала, контролировала и руководила въ каждомъ шагѣ Германія, которая со своей стороны давала понять державамъ Европы, что всякое столкновеніе съ Австріей будетъ истолковано Германіей, какъ непремѣнный поводъ къ войнѣ.

Тогда за что же умираютъ храбрые солдаты Германіи? Увы! Ни одинъ изъ милліоновъ убиваемыхъ и уродуемыхъ германскихъ воиновъ не сможетъ отвѣтить на этотъ вопросъ въ послѣдній моментъ своей агоніи. Люди, которые пали у

союзниковъ—умерли на своей землѣ, защищая свою родину противъ нашествія врага, но всѣ ваши сыны умерли на чужой землѣ и безъ всякой причины.

Въ слѣдующемъ пунктѣ вашего письма читаемъ такъ: „Невѣрно, что мы нарушили нейтралитетъ Бельгіи“. Внимательно-ли читали 93 подписавшихся то, что они подписали? Могутъ-ли столь просвѣщенные умы сдѣлать такое необоснованное заявленіе? Еще разъ я спрашиваю были-ли даны германскому народу всѣ тѣ документы, которые были даны всему міру? Читалъ-ли кто нибудь изъ 93 моихъ почтенныхъ корреспондентовъ признаніе въ виновности, сдѣланное Имперскимъ Канцлеромъ Бетманъ Гольвегомъ въ рейхстагѣ 4-го августа? Я боюсь, что нѣтъ, потому что въ этомъ заявленіи канцлеръ сказалъ: „мы должны были пренебречь справедливыми протестами правительствъ Бельгіи и Люксембурга. Наши войска заняли Люксембургъ и вѣроятно уже находятся на бельгійской землѣ. Господа, это есть нарушеніе международнаго права. Справедливо, что Французское правительство объявило въ Брюсселѣ, что Францція будетъ соблюдать нейтралитетъ Бельгіи до тѣхъ поръ, пока ея противникъ будетъ соблюдать его. Францція можетъ ждать, а мы не можемъ. Зло, я говорю откровенно, которое мы совершаемъ, мы постараемся исправить, какъ только будетъ достигнута наша военная цѣль“. Я спрашиваю еще—освѣдомлены кто либо изъ Васъ, господа, о томъ фактѣ, что Вашъ Имперскій Канцлеръ самъ обратился къ общественному мнѣнію Америки, и что въ Американскихъ газетахъ напечатано 15-го августа

нижеслѣдующее признаніе, содѣяннаго имъ противъ Бельгіи преступленія: „Необходимость принудила насъ, нарушить нейтралитетъ Бельгіи, но мы торжественно обѣщали вознаградить эту страну за все зло причиненное ей“.

Что скажетъ на это совѣсть германскаго народа, когда улягутся страсти вызванныя войной и она постигнетъ ужасное значеніе признанія имперскаго канцлера? Кому понадобилось-бы нападать на васъ, если-бы вашъ Императоръ не приказалъ своимъ войскамъ перейти границы своихъ мирныхъ сосѣдей?

„Зло, которое мы совершаемъ“—это значитъ погибель и раззореніе всей страны, не сдѣлавшей вамъ никакого зла, убійство ея сыновей, изгнаніе ея короля и правительства, мародерство ея имущества, разрушеніе ея городовъ, съ ихъ счастливыми домами, красивыми памятниками историческихъ временъ и безцѣнными трудами человѣческаго генія!

„Зло, которое мы совершаемъ“. Хуже всего, то, что когда отчаявшееся и обезумѣвшее населеніе, видя своихъ сыновъ убитыми, свои дома объятыми пламенемъ, стало стрѣлять изъ оконъ въ ваши войска, вы, съ варварской жестокостью, умерщвляли ихъ безъ различія возраста и пола! И это вы называете „несправедливыми обвиненіями“. Почему вы отказываетесь отъ постыднаго свидѣтельства оффиціальнаго голоса Германіи—ея имперскаго канцлера? Мой дорогой докторъ Шеперъ, если когда либо роли перемѣнятся и иностранные солдаты пойдутъ по улицамъ Берлина, не станете-ли вы стрѣлять—вы сами вмѣстѣ со всѣми 93-мя моими корреспондентами, если

вы увидите разрушеніе вашихъ жилищъ и сыновей, умирающихъ на улицахъ. Смѣю увѣрить Васъ, что я стрѣлялъ-бы.

Недавно наши Американскіе войска были посланы въ Мексику, не завоевывать, не сражаться, но возстановить миръ, порядокъ и авторитетъ закона; нѣкоторые изъ жителей Вера Круцъ стрѣляли изъ оконъ и 23 нашихъ молодыхъ солдата были убиты. Послѣ этого и наши начали отвѣчать стрѣляющимъ, но они не разрушали города, не убивали невинныхъ, и даже тѣ изъ стрѣлявшихъ, которые били арестованы, не были казнены, они были успокоены и отпущены.

Я желалъ-бы, чтобы Америка имѣла власть и силу, пойти въ Бельгію и Францію и выгнать назадъ этихъ подлыхъ завоевателей, чтобы возстановить тамъ миръ, порядокъ и авторитетъ закона: Такая власть конечно будетъ организована, когда нибудь народами всего свѣта и тогда народъ, готовящій смерть и адъ для всего человѣства, какъ это дѣлалъ въ продолженіи послѣднихъ 25 лѣтъ вашъ народъ, будетъ укращенъ, какъ общій врагъ человѣчества!

Дикость, которая привела насъ въ Мексику ничтожна въ сравненіи съ варварскимъ разрушеніемъ, съ убійствомъ совершенными вашими войсками въ этихъ двухъ странахъ.

Если Германія не виновата, то дорогой докторъ Шеперъ, Бога ради скажите зачѣмъ ваши арміи въ Бельгіи? Зачѣмъ они во Франціи? Если бы вы ждали того, чтобы напали на васъ, то вы никогда бы не увидали вашъ народъ воюющимъ. Вашъ имперскій канцлеръ говоритъ, что вы нарушили международные законы и что вы поста-

раетесь исправить зло, совершенное вами: Но, мой дорогой докторъ Шеперъ, все золото, которое вы смогли бы дать Франціи и Бельгіи въ тысячу лѣтъ и всѣ покаянныя молитвы, которыя вы могли бы совершать въ каждый часъ въ теченіе этихъ тысячи лѣтъ съ раскаяніемъ, съ униженіемъ стыда и съ горечью разбитаго сердца, не могли бы ни возстановить разоренія двухъ народовъ огнемъ и убійствомъ, ни осушить океана человѣческихъ слезъ, сопровождавшихъ ваше отвратительное, чудовищное нашествіе.

Ваши соотечественники меня иногда спрашиваютъ: „кого вы предпочитаете Германцевъ или Славянъ?“ Впредь мой отвѣтъ будетъ только одинъ: „ да, съ тѣхъ поръ какъ мы увидѣли Германцевъ такъ ведущихъ войну, мы конечно предпочитаемъ имъ Славянъ, и даже Турокъ и Готтентотовъ.—

Ваше воззваніе отрицаетъ что вашими „солдатами были задѣты жизнь или имущество хотя бы одного бельгійскаго гражданина, когда того властно не требовала самозащита и что Ваши войска звѣрски свирѣпствовали въ Лувенѣ“ и этотъ приговоръ долженъ основываться на фактахъ, а факты слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ повторять.—Но тѣмъ не менѣе я приведу одного свидѣтеля противъ васъ, только одного. Этотъ свидѣтель вашъ Императоръ,—слушайте его:— „Убійство и разрушеніе имущества совершенное нашими войсками въ Лувенѣ, было вызвано жестокой необходимостью. Мое сердце обливается кровью за Лувенъ“.

Вы также отрицаете совершеніе вами звѣрствъ, неоправданныхъ войной. Допустимъ, что это такъ,

но здѣсь въ Питтсбургѣ, мы получили письмо отъ одной изъ нашихъ сестеръ Краснаго Креста, которая работаетъ въ Бельгіи. Между другими на ея попеченіи есть мальчикъ: этотъ храбрый юноша стрѣлялъ изъ оконъ въ войска, разрушающія его родину и у него ваши солдаты отрубили обѣ руки.—Далѣе не былъ ли заколотъ бургомистръ Термонда за то, что онъ защищалъ свою дочь отъ насилія германскаго офицера—гостя въ его домѣ? Еще сегодня я узналъ такого же рода исторію, отъ одного изъ моихъ дѣловыхъ корреспондентовъ, живущаго обыкновенно въ Брюсселѣ и принуженнаго бѣжать въ Нантъ, который пишетъ мнѣ, что вы застрѣлили кассира Національнаго Бельгійскаго Банка, а предварительно и его двухъ сыновей, за то, что онъ, т. е. отецъ—кассиръ банка отказался открыть вамъ секретъ замка несгораемой кассы. Правдивые разсказы, подобные этимъ, слишкомъ широко извѣстны, надежно провѣрены и вполнѣ точно доказаны. Можно ли отрицать индивидуальныя звѣрства, если они совершались цѣлыми массами въ Лувенѣ. Алостѣ, Термондѣ? Мы смотримъ на войну саму по себѣ, какъ на звѣрство, позорящее націю, которая вызвала ее въ такой же мѣрѣ—какъ и единичное убійство унижаетъ преступника совершившаго его.—Вашимъ Императоромъ восхищались какъ однимъ изъ величайшихъ людей на свѣтѣ. Но какую славу оставитъ онъ потомству? О какое паденіе! Вызванная имъ и имъ же объявленная война потрясла все человѣчество до глубины души. Онъ насытитъ Европу человѣческой кровью, и, сверхъ того, онъ далъ ей еще цѣлое новое поколѣніе, рыдающихъ

вдовъ, одинокихъ матерей, осиротѣлыхъ дѣтей, мужчинъ безъ ногъ и рукъ. Наслѣдіе ненависти!!

Вы заканчиваете письмо защитой германскаго милитаризма. Это возвращаетъ насъ опять къ вопросу о томъ, какъ началась война. Ни одинъ ясный умъ не можетъ сомнѣватся въ томъ, что отвѣтственность за войну падаетъ цѣликомъ на Германію, такъ какъ несомнѣнно Германія поддерживала Австрію въ ея нападеніи на Сербію зная, что въ результатѣ будетъ Европейскій пожаръ. Это ясно изъ того, что Австрія не способна ассимилировать различныя расы въ однородную націю, какъ мы ассимилировали ихъ въ Америкѣ; правительство Австріи не признаетъ равноправія различныхъ народностей ее составляющихъ и, кромѣ того, само по себѣ Австрійское Правительство неспособно сдѣлать ничего ни хорошаго, ни дурного по своей инціативѣ и своими собственными силами.

Ваша защита германскаго милитаризма приводитъ насъ къ убѣжденію, что война зародилась 25 лѣтъ назадъ, когда Императоръ Вильгельмъ взошелъ на престолъ и объявилъ себя ссудіей войны, и началъ готовить свой народъ къ войнѣ. Его собственныя дѣти воспитывались съ ранняго дѣтства солдатами, и готовились быть убійцами, здѣсь въ Америкѣ мы знаемъ его дочь только по фотографіи и то—въ полковничьей формѣ. Въ такомъ же направленіи какъ дѣти Императора воспитывалось молодое поколѣніе всей страны. Принудительная воинская повинность дѣлала каждаго человѣка солдатомъ. Я былъ въ Германіи и замѣтилъ всюду отсутствіе мирнаго настроенія въ народѣ.—Улицы полны

солдатъ, глаза не могутъ отдохнутъ отъ блеска касокъ и кирасъ; уши слышатъ постоянно бряцаніе сабель и шпоръ. Лошади грызутъ мундштуки и нетерпѣливо ржутъ. И все это вмѣстѣ взятое—постоянный блескъ, шумъ и угрозы войной воспламенили кровь германскаго народа, отравивъ воображеніе его волнующимъ духомъ битвы.

Человѣкъ, носящій форму кайзера, становился членомъ исключительной касты.

Лакей спрашивающій счетъ съ пьянаго офицера, былъ проколотъ въ сердце, военная форма придала этому поступку видъ законной самозащиты. Хромой сапожникъ, живущій въ завоеванной провинціи, который порицалъ войска кайзера, былъ зарубленъ саблей, и офицера, совершившаго это трусливое убійство беззащитнаго, горячо привѣтствовалъ Германскій наслѣдный Принцъ! Человѣкъ скромнаго положенія, который безцеремонно привѣтствовалъ бывшаго пріятеля, сдѣлавшагося офицеромъ, былъ убитъ за свою смѣлость, и убійца еще пишетъ письмо матери жертвы, оправдывая свое преступленіе.

Я видѣлъ самъ Германскихъ офицеровъ, расталкивающихъ женщинъ на улицѣ, чтобы очистить себѣ путь Я видѣлъ другихъ поднимающихъ свои бокалы за день, когда они будутъ воевать. Каждый деньвъ продолженіи 25 лѣтъ Императоръ своими зажигательными рѣчами разжигалъ общественныя страсти подготовляя общество къ войнѣ. Людей, предлагавшихъ дѣйствительные способы къ установленію мира, поднимали на смѣхъ. Когда рабочіе классы всего свѣта начали изнемогать подъ гнетомъ налоговъ для предстоящей войны (около 75% доходовъ всѣхъ правительствъ, употребля-

лись на эти непроизводительные расходы) тогда Англійскій Кабинетъ предложилъ прекратить дальнѣйшее вооруженіе на одинъ годъ, но Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ на это гуманное предложеніе—прибавкой 4-хъ военныхъ судовъ къ своему флоту и 300.000 солдатъ къ своей арміи, что немедленно заставило Францію продлить срокъ службы въ войскахъ съ двухъ лѣтъ до трехъ. Вашъ генералъ Бернгарди сказалъ: „Усилія сохранить миръ необыкновеннно вредятъ національному здоровью". Сами профессора вашихъ университетовъ помогали вселять въ умы вашихъ молодыхъ людей доктрину, что война неизбѣжна. Уйдя далеко отъ вашего великаго философа Канта, который своимъ категорическимъ императивомъ училъ насъ новому золотому правилу, національный умъ Германіи питался чувственнымъ матеріализмомъ Нитше, непрекрытой жаждой крови генерала Бернгарди, легковѣсными военными грезами Трейчке и слабой моралью фонъ Бюлова. Въ каждомъ мелкомъ замѣчаніи вашего Императора, его дѣтей, солдатъ, его государственныхъ людей, его профессоровъ, мы видимъ, что Германія считала себя исключительной націей, высшей, предназначенной поддерживать свое превосходство грубой силой оружія. Въ противоположность этому узкому разрушительному духу милитаризма, насъ американцевъ учатъ любить человѣка независимо, отъ его національности, такъ какъ мы заключаемъ всѣ національности въ лонѣ своей страны. Мой дорогой докторъ Шеперъ, государственный строй Германіи основанъ на ложномъ принципѣ, который и отвѣтственъ главнымъ образомъ за все то зло, кото-

рое приноситъ міру Германская война.

Ваши военные вожди вбивали въ сердца вашего народа вѣру, что Германскій флагъ долженъ слѣдовать за эмиграціей изъ Германіи. Отсюда ваши требованія колоній. Кромѣ того вашъ Императоръ постоянно твердилъ своему народу, что Германія выше всего.—Не имѣете ли вы пѣсни съ такими словами? Императоръ училъ васъ будто вы лучше остального бѣднаго человѣчества, и вы повѣрили ему.—

Какъ я сказалъ ранѣе, 8.000.000 нѣмцевъ живутъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, но они не требуютъ германскаго флага, какъ необходимаго условія ихъ благополучія. Есть многія тысячи ихъ въ Канадѣ, Бразиліи, аргентинѣ и всюду на земномъ шарѣ, и всѣ они живутъ счастливо и въ безопасности безъ германскаго флага. Когда Американцы переселяются въ другія страны; они не приносятъ своего флага съ собой. Развѣ не абсурдно и не зловредно слѣдовать ученію буд-то германцы всюду должны жить подъ германскимъ флагомъ, куда бы они не попали. Не дикія ли мечты панъ-германизма питаютъ корни этого ужаснаго преступленія.

Можетъ быть по волѣ Провидѣнія изъ этой войны родится идея, что благо человѣчества выше блага отдѣльныхъ расъ, и что правительство, которое не усвоитъ себѣ эту идею должно погибнуть. Далѣе, вашъ военный классъ, желающій держать правительство въ своихъ рукахъ, проводитъ идею, что Германскій народъ совершенно неспособенъ къ тому, что Англичане и Американцы называютъ самоуправленіемъ. Германскій народъ, говоритъ вашъ Генералъ ф. Берн-

гарди менѣе всѣхъ остальныхъ народовъ способенъ управлятъ своей судьбой. Я не могу не задуматься о томъ, какіе разсчеты будутъ между германскимъ народомъ и его правителями послѣ войны.

Есть прекрасныя строки въ пьесѣ Булвера „Ришилье“, которыя подходятъ къ этому случаю „если вы заворожили сердце человѣка, то горе вамъ, когда падутъ всѣ ваши чары“.

Эти военныя мечтанія, это германское единство, этотъ панъ-германизмъ, эта лживая дипломатія, политика вооруженія съ головы до ногъ, ложный принципъ господства государства надъ индивидуальностью, и еще болѣе фальшивая увѣренность въ превосходствѣ Германіи надъ остальнымъ человѣчествомъ, пренебреженіе вашихъ военныхъ вождей къ человѣческой жизни и страстное желаніе разрушить все зданіе человѣческаго прогресса—все это заставляетъ свѣтъ бояться васъ. Вашъ ненасытный духъ устрашилъ всѣхъ. Вашъ Генеральный Штабъ опубликовалъ планъ нападенія на Америку. Если вы побѣдите Британскую Имперію, тогда почему не наступитъ и наша очередь? И, наконецъ, мой дорогой докторъ Шеперъ, мы чувствуемъ себя потрясенными, пристыженными, оскорбленными тѣмъ, что Христіанская нація можетъ быть виновна въ этой преступной войнѣ. Когда я говорю, что мы ненавидимъ эту борьбу, и что мы гнушаемся германскаго милитаризма, породившаго ее, я выражаю мнѣніе большей части американскаго народа, включая сотни тысячъ нашихъ германо-американскихъ гражданъ. Этой войнѣ нѣтъ оправданія. При вашемъ вооруженіи и при вашихъ

средствахъ обороны никогда никто но рѣшился бы напасть на ваши границы.—Чтобы вы не говорили, но все же германская культура заимствовала не мало отъ своихъ сосѣдей и казалось бы, что интелектуальный прогрессъ долженъ былъ поднять ея народъ до познанія высшихъ истинъ и альтруистическаго служенія человѣчеству. Вашъ флотъ плавалъ по всѣмъ океанамъ, вы продавали свои товары въ отдаленныхъ частяхъ свѣта и пользовались благосклонностью всѣхъ народовъ, потому что человѣчество вамъ вѣрило, считало васъ своей частью. Но теперь все это исчезло, хорошее мнѣніе о васъ разбито. Вы не сможете вернуть духовныя и матеріальныя блага, которыя вы потеряли. О, если бы мы снова имѣли Германію, которую мы могли уважать, Германію истиннаго мира, истиннаго прогресса, истинной культуры, скромную, не хвастливую, далекую отъ своихъ военныхъ правителей и своихъ вооруженныхъ хозяевъ, вернувшуюся опять къ вліяніямъ такихъ высокихъ учителей, какъ Лютеръ, Гете, Бетховенъ и Кантъ. Но выиграетъ ли Германія, потеряетъ-ли она въ этой войнѣ, все равно она пала и нѣкогда славная нація, должна продолжать свое существованіе во тьмѣ убійствъ до тѣхъ поръ, пока совѣсть не заставитъ ее вернуть свои арміи назадъ, за свои границы, и тамъ ждать всеобщаго прощенія за свои неискупаемыя преступленія. Я надѣюсь вы простите мнѣ подобное предсказаніе.—Если 93 человѣка подписавшихъ воззваніе, употребятъ свое громадное вліяніе на совѣсть своихъ согражданъ, чтобы остановить войну, вернуть ваши арміи, и просить мира на условіяхъ хотя частично возмѣщающихъ то зло,

въ которомъ ваши Императоръ и канцлеръ признались, то сдѣлали-ли бы истинную услугу человѣчеству, превосходящую всѣ заслуги ихъ прежней жизни. Много хорошихъ вещей я увѣренъ явятся какъ результатъ этой ужасной войны. Лучшая изъ всѣхъ это будетъ миръ. Я принадлежу ко всѣмъ обществамъ мира и замѣтилъ, что поборникъ мира долженъ говорить шопотомъ и ходить тихо и робко, боясь взгляда воинствующаго солдата. Но въ будущемъ я предсказываю, что миръ будетъ самой воинствующей силой на землѣ, стоя выше закона, и приказывая во имя высшаго авторитета и раздавливая ничтожныя власти, которыя возмечтали бы опять о пышныхъ имперіяхъ, воздвигнутыхъ на грудахъ мертвыхъ тѣлъ рабочихъ и крестьянъ. Тогда мы увидимъ, что все человѣчество воистину будетъ сильнѣе, чѣмъ нѣкоторая часть его, называемая націей. Я хочу, кончая мой чистосердечный отвѣтъ на ваше письмо, выразить мою глубокую симпатію германскому народу. Я оплакиваю съ Вами тѣхъ хорошихъ и храбрыхъ людей, которыхъ жизнь такъ безславно и безполезно была прервана въ кошмарной оргіи убійства и разбоя. Я рыдаю, какъ и вы съ вашими женами, чьи сердца разбиты невыносимыми потерями, я сожалѣю бѣдныхъ маленькихъ дѣтей, многіе милліоны которыхъ должны рости безъ любви и безъ заботы отцовъ. Я хочу сдѣлать или сказать что нибудь, что бы помогло смягчить горе германскаго народа, но никакая человѣческая сила не можетъ облегчить тяжести подобнаго горя.

Благодарю Васъ за ваше письмо, передайте всѣмъ подписавшимъ воззваніе мое привѣтствіе

съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы постоянный миръ скорѣе снизошелъ на этотъ потрясенный міръ и прошу принять увѣреніе въ чувствѣ должнаго уваженія.

Преданный Вамъ *С. Г. Чёрчъ.*

Приложенiе.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Къ культурному мiру.

ВОЗЗВАНIЕ

Какъ представители германской науки и искусства мы заявляемъ протестъ передъ всѣмъ культурнымъ мiромъ противъ лжи и клеветы, которыми наши враги стремятся запятнать чистое дѣло Германiи въ навязанной ей тяжелой борьбѣ за существованiе. Желѣзный голосъ событiй уже опровергнулъ распускаемыя ими измышленiя о нѣмецкихъ пораженiяхъ. Тѣмъ ревностнѣе теперь распространяются извращенныя свѣдѣнiя и инсинуацiи. Противъ нихъ мы громко возвышаемъ нашъ голосъ. Онъ долженъ возвѣстить правду.

Это не правда, что Германiя виновница войны. Ни народъ, ни правительство, ни императоръ не хотѣли ея. Со стороны Германiи были приняты крайнiя мѣры для ея предотвращенiя. Тому есть документальныя доказательства. Достаточно часто Вильгельмъ II-ой въ теченiе своего 26-ти лѣтняго царствованiя являлся хранителемъ всеобщаго мира; достаточно часто даже наши враги это признавали. Да, этотъ самый императоръ, котораго они теперь осмѣливаются называть Аттилой, въ теченiе десятилѣтiй подвергался насмѣшкамъ съ ихъ стороны за свое непоколебимое миролюбiе. Лишь послѣ того, какъ давно подстерегавшiя насъ на нашихъ границахъ громадныя вражескiя силы съ трехъ сторонъ напали на насъ, нашъ народъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ

Это не правда, что мы преступно нарушили нейтралитетъ Бельгiи. Имѣются доказательства тому, что Францiя и Англiя уже раньше приняли рѣшенiе нарушить его. Имѣются доказательства тому, что Бельгiя согласилась на это. Было бы равносильно самоубiйству, если бы мы не предупредили ихъ.

Это не правда, что нашими солдатами были задѣты жизнь и имущество хотя бы одного бельгійскаго гражданина, когда того властно не требовала самозащита. Несмотря на всѣ увѣщанія, населеніе все снова и снова, изъ-за угла обстрѣливало нашихъ солдатъ, уродовало раненыхъ и убивало врачей при исполненіи ихъ самаритянскаго долга. Нѣтъ болѣе гнуснаго подлога, чѣмъ замалчиваніе преступленій этихъ подлыхъ убійцъ, съ цѣлью вмѣнить нѣмцамъ въ преступленіе то справедливое наказаніе, которому тѣ подверглись.

Это не правда, что наши войска звѣрски свирѣпствовали въ Лувенѣ. Обстрѣлъ части города былъ актомъ возмездія, которому они съ тяжелымъ сердцемъ должны были подвергнуть безумствовавшее населеніе, предательски напавшее на расквартированныя среди него воинскія части. Большая часть Лувена осталась неуничтоженной. Знаменитая ратуша стоитъ и теперь невредимой. Наши солдаты самоотверженно охраняли ее отъ пламени. Если въ этой ужасной войнѣ разрушены произведенія искусства или если они еще будутъ уничтожены, то каждый нѣмецъ сталъ бы это оплакивать. Не уступая никому въ любви къ искусству, мы однако рѣшительно отказываемся спасти художественное произведеніе цѣною нѣмецкаго пораженія.

Это не правда, что нашъ способъ веденія войны не считается съ законами международнаго права. Наши войска не знаютъ разнузданной жестокости, а на Востокѣ земля пропиталась кровью зарѣзанныхъ русской ордой женщинъ и дѣтей, на Западѣ пули думъ-думъ разрываютъ грудь нашимъ воинамъ. Менѣе всего имѣютъ право разыгрывать роль защитниковъ европейской цивилизаціи тѣ, кто заключали союзъ съ русскими и сербами и являютъ міру позорное зрѣлище, натравливая монголовъ и негровъ на бѣлую расу.

Это не правда, что борьба противъ нашего такъ называемаго милитаризма не есть борьба противъ культуры, какъ лицемѣрно утверждаютъ наши враги. Безъ нѣмецкаго милитаризма нѣмецкая культура давно бы была стерта съ лица земли. На защиту этой культуры возникъ милитаризмъ изъ ея же нѣдръ въ странѣ, которая въ теченіи вѣковъ подвергалась разбойничьимъ набѣгамъ болѣе чѣмъ какая

либо иная страна. Нѣмецкое войско и нѣмецкій народъ составляютъ одно цѣлое. Это сознаніе братски объединяетъ нынѣ 70 милліоновъ нѣмцевъ безъ различія уровня образованія, сословій и партій.

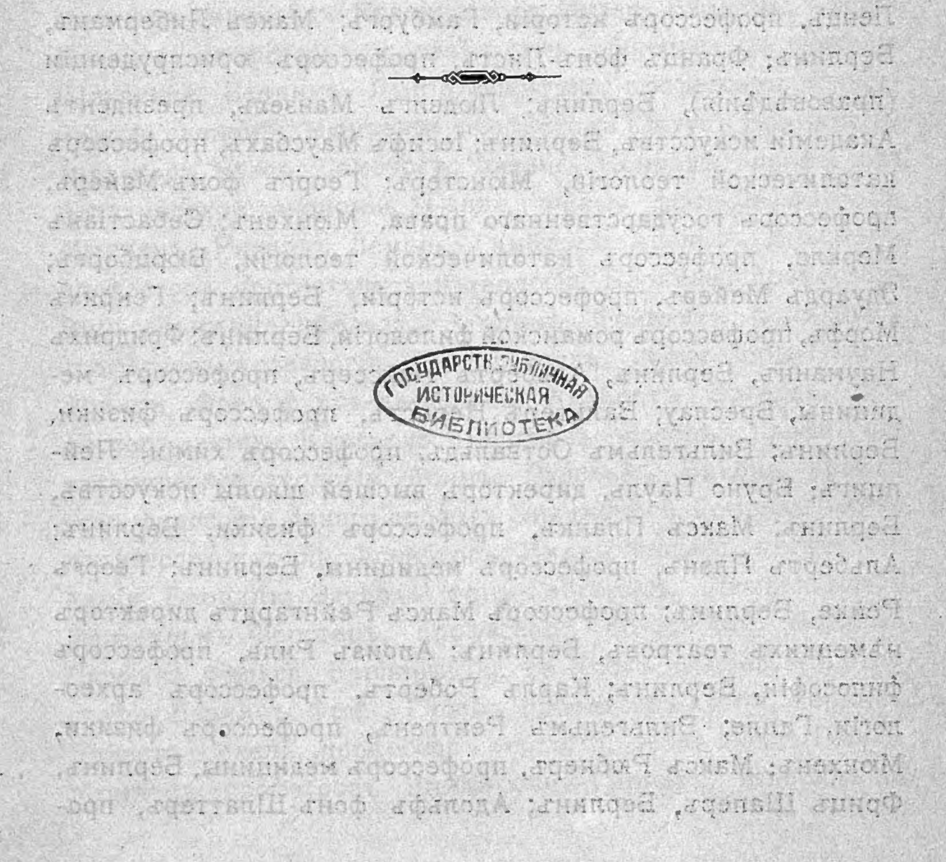
Мы не въ состояніи вырвать изъ рукъ нашихъ враговъ отравленнаго ложью оружія. Мы можемъ лишь громко крикнуть всему міру, что они лжесвидѣтельствуютъ о насъ. Къ вамъ, которые знаете насъ, къ вамъ, которые до сего времени совмѣстно съ нами берегли высшее достояніе человѣчества, къ вамъ мы взываемъ: Вѣрьте намъ. Вѣрьте, что мы, доведемъ эту борьбу до конца, какъ народъ культурный, для котораго завѣты Гете, Канта, Бетховена такъ же святы, какъ собственный очагъ и родная земля.

Порукой этому наши имена и наша честь.

Адольфъ фонъ-Бегеръ, профессоръ химіи, Мюнхенъ; профессоръ Петръ Беренсъ, Берлинъ; Эмиль фонъ-Берингъ, профессоръ медицины, Марбургъ; Вильгельмъ фонъ-Боде, генералъ-директоръ Королевскаго Музея, Берлинъ, Алоизъ Брандтъ, профессоръ, предсѣдатель общества по изученію Шекспира, Берлинъ; Люціо Брентано, профессоръ политической экономіи, Мюнхенъ; профессоръ Юстусъ Бринкманъ, директоръ музея, Гамбургъ; Іоганнъ Конрадъ, профессоръ политической экономіи, Галле, Фрицъ фонъ-Деффрегеръ, Мюнхенъ; Рихардъ Демель, Гамбургъ; Адольфъ Дейсманъ, профессоръ протестантской теологіи, Берлинъ; профессоръ Вильгельмъ Дерпфельдъ, Берлинъ; Фридрихъ фонъ-Дунъ, профессоръ археологіи, Гейдельбергъ; профессоръ Павелъ Эрлихъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ; Альбертъ Эргардъ, профессоръ химіи, Карлсруэ; Гергардъ Эссеръ, профессоръ католической теологіи, Боннъ; Рудольфъ Эйкенъ, профессоръ философіи, Іена; Гербертъ Эйленбургъ, Генрихъ Финке, профессоръ исторіи, Фрейбургъ; Эмиль Фишеръ, профессоръ химіи, Берлинъ; Эдуардъ фонъ-Гебхардтъ, Дюссельдорфъ; Вильгельмъ Ферстеръ, профессоръ астрономіи, Берлинъ; Людвигъ Фильда, Берлинъ; I. I. де Кротъ, профессоръ этнографіи, Берлинъ; Фрицъ Габеръ, профессоръ химіи, Берлинъ; Эрнестъ Гекель, профессоръ зоологіи, Іена; Максъ Гальбе, Мюнхенъ; профессоръ Эмиль фонъ-Гарнакъ, генералъ-ди-

ректоръ Королевской Библіотеки, Берлинъ; Гергардъ Гауптманнъ. Карлъ Гауптманнъ, писатель, Густавъ Гельлманъ, професоръ метефлогіи, Берлинъ; Вильгельмъ Германнъ, профессоръ протестанской теологіи, Марбуръ; Андреасъ Гейслеръ, профессоръ сѣверной филологіи, Берлинъ; Адольфъ Лонъ-Гильдебрандъ, Мюнхенъ; Людвигъ Гоффманъ, городской архитекторъ, Берлинъ; Энгельбертъ Гумпердинкъ, Берлинъ; Леопольдъ графъ Кальдрейтъ, президентъ германскаго союза искусствъ, Эддельфенъ; Артуръ Рампфъ, Берлинъ; Фрицъ Августъ фонъ-Каульбахъ, Мюнхенъ; Теодоръ Риппъ, профессоръ юриспруденціи(правовѣдѣнія), Берлинъ; Феликсъ Клейнъ, профессоръ математики, Геттингенъ; Максъ Клингеръ, Лейпцигъ: Алоизъ Кнепфель, профессоръ юриспруденціи церковной исторіи,Мюнхенъ; Антонъ Рохъ, профессоръ католической филологіи, Тюбенгенъ; Павелъ Лабандъ, профессоръ юриспруденціи (правовѣдѣнія), Страсбургъ; Карлъ Лампрехтъ, профессоръ исторіи, Лейпцигъ; Филиппъ Ленардъ, профессоръ физики, Гейдельбергъ, Максиміліанъ Ленцъ, профессоръ исторіи, Гамбургъ; Максъ Либерманъ, Берлинъ; Францъ фонъ-Листъ, профессоръ юриспруденціи (правовѣдѣнія), Берлинъ; Людвигъ Манзель, президентъ Академіи искусствъ, Берлинъ; Іосифъ Маусбахъ, профессоръ католической теологіи, Мюнстеръ; Георгъ фонъ-Майеръ, профессоръ государственнаго права, Мюнхенъ; Себастіанъ Меркле, профессоръ католической теологіи, Вюрцборгъ; Эдуардъ Мейеръ, профессоръ исторіи, Берлинъ; Генрихъ Морфъ, профессоръ романской филологіи, Берлинъ; Фридрихъ Науманнъ, Берлинъ, Альбертъ Нейссеръ, профессоръ медицины, Бреслау; Вальтеръ Нернстъ, профессоръ физики, Берлинъ; Вильгельмъ Оствальдъ, профессоръ химіи, Лейпцигъ; Бруно Пауль, директоръ высшей школы искусствъ, Берлинъ; Максъ Планкъ, профессоръ физики, Берлинъ; Альбертъ Плэнъ, профессоръ медицины, Берлинъ; Георгъ Рейке, Берлинъ; профессоръ Максъ Рейнгардтъ директоръ нѣмецкихъ театровъ, Берлинъ; Алоизъ Риль, профессоръ философіи, Берлинъ; Карлъ Робертъ, профессоръ археологіи, Галле; Вильгельмъ Рентгенъ, профессоръ физики, Мюнхенъ; Максъ Рюбнеръ, профессоръ медицины, Берлинъ, Фрицъ Шаперъ, Берлинъ; Адольфъ фонъ-Шлаттеръ, про-

фессоръ, протестантской теологіи, Тюбенгенъ; Августъ Шмидлинъ, профессоръ церковной исторіи, Мюнстеръ; Густавъ фонъ-Шмоллеръ, профессоръ политической экономіи Берлинъ; Рейнгольдъ Зеебергъ, профессоръ протестантской теологіи, Берлинъ; Мартинъ Шпакъ, профессоръ исторіи, Страсбургъ; Гансъ Тома, Карлсруэ; Рихардъ Трюбнеръ, Карлсруэ; Карлъ Фолльмеллеръ, Штутгардъ; Рихардъ Фосъ, Карлъ Фосолеръ, профессоръ романской филологіи, Мюнхенъ; Зигфридъ Вагнеръ, Байретъ; Вильгельмъ Вальдейеръ, профессоръ анатоміи, Берлинъ; Августъ фонъ-Вассерманъ, профессоръ медицины, Берлинъ; Феликсъ фонъ-Вейнгартенъ, Теодоръ Вигандъ, директоръ музея, Берлинъ; Вильгельмъ Винъ, профессоръ физики, Вюрцбургъ; Ульрихъ Вилламовичъ-Меллендорфъ, профессоръ филологіи, Берлинъ: Вильгельмъ Виндельбандъ, профессоръ философіи, Гейдельбергъ; Рихардъ Вильстеттеръ, проф. химіи, Берлинъ; Вильгельмъ Вундтъ, профессоръ философіи, Лейпцигъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНIЯ:
Петроградъ, Надеждинская 11, кв. 27.

Цѣна 30 коп.